

Хотя эта книга написана в документальной форме, она является художественным произведением. Ни один из персонажей, включая Истину Мавет, не изображает реального человека.

Дженет Фрейм, 1961

Часть I
КЛИФХЕЙВЕН

Нас учили, что Безопасность — наш господин, которому должно сохранять преданность, наш Красный Крест, который дарует мази и бинты для врачевания ран и заботится об удалении инородных идей, бус из фантазий и булавок неразумности, попавших в наши головы. На все двери, что вели во внешний мир, были приколочены предупредительные знаки и перечни мер реагирования в чрезвычайных ситуациях. На случай грозы, заточения во льдах Антарктики, змеиного укуса, мятежа, землетрясения. Не ложитесь спать в сугробах. Убирайте ножницы в безопасное место. Остерегайтесь незнакомцев. Заблудившись, определяйте время по солнцу, а местоположение — по рекам, текущим по направлению к морю. Не сопротивляйтесь, когда вас спасают из воды. Попытайтесь высосать яд из места укуса. Если разверзается земля и шатаются трубы, покиньте помещение. Однако на случай последнего дня, когда, как солнце, померкнут смотрящие из окон, указания отсутствовали. На улицах будет толчея: в панике люди будут смотреть сначала направо, потом налево, убирать ножницы, высасывать яд из раны, которую не смогут найти, и определять время по солнцу, когда само оно расплавилось и стекает по кромке тьмы

в опустевшие чаши, образовавшиеся на месте испарившихся морей.

И пока не наступил тот день, как отыскать свой путь во снах и грезах, как уберечь себя от их опасной реальности — от молний-змей-микробов-мятежей-землетрясений-метели-грязи, когда вши загадками ползают по нашему разуму? Скорее! Где тут Спаситель Красный Крест с мазями, гипсом, иглой, нитью и чистыми бинтами, нужными нам, чтобы иссушить нагнивающие мечты? Соблюдайте правила Безопасности.

Я расскажу вам о временах, когда на меня обрушились невзгоды. Меня поместили в больницу из-за огромной трещины, что образовалась во льдах и отделила меня от остального мира; я смотрела, как по лиловым волнам, в глубине которых с беззаботностью тропических рыб акулы-молоты курсировали бок о бок с тюленями и белыми медведями, уплывали от меня люди. Я осталась одна на своей льдине. Началась пурга, я коченела, хотела лечь и уснуть; впрочем, так бы и сделала, если бы не появились незнакомцы с ножницами, кишасщими блохами котомками, склянками с ядом и прочими предметами, об опасности которых я до этого не подозревала: зеркалами, халатами, коридорами, мебелью, квадратными дюймами, долгим молчанием за засовами — одноцветным и в узорчик, бесплатными образцами голосов. Не произнеся ни слова, они установили надо мной марлевою палатку, разбили рядом свой лагерь и стали предлагать губительный товар.

Мне нравился шоколад «Карамелло», ведь я была одинока. Я покупала двенадцать подушечек за шесть пенсов. Шла на кладбище и сидела среди букетов хризантем, оставленных в заполненных бурой водой

и покрытых грязью банках из-под джема. Гуляла по темному городу, бродила вдоль мерцающих трамвайных путей, которые, пленив свет уличных фонарей, разбивали его на множество лучей; проезжающий мимо трамвай выбивал над головой нечаянную искру, и она рассыпалась радугой — тогда я понимала, что глаза мои заволокли слезы. Со мной говорили витрины, и искусственный дождь за окном рыбного магазина, и мох с папоротником в лавочке флориста, и неряшливые, вышедшие из моды костюмы-двойки в компании старомодных пальто, висевшие на поставивших гипсовых манекенах в темных витринах небогатых магазинов, хаотично заставленных товарами с большими красными этикетками, кричавшими о скидках. Все они говорили со мной. Остерегайся распродаж и специальных предложений. Соблюдай правила дорожного движения и гигиены; если найдешь платок, подними его кончиками пальцев и держи так, пока не объявится хозяин. От бронхита помогает ингаляция с яванским ладаном. Не садись на унитаз в общественном туалете. Осторожно! ЛЭП.

Как туземец, я обменяла свою безопасность на бусы из фантазий.

Я работала учительницей. Когда я шла домой, директор следовал за мной; чтобы утроить угрозу, он разделил свое тело и лицо на три части — и меня стали сопровождать три сущности: две по бокам и еще одна сзади. Раз или два я робко оборачивалась и спрашивала, не хочет ли он звездочку за примерное поведение. Целую ночь я провела у себя в комнате, вырезая звезды из золоченой бумаги, крепя их на стены и напротив лучшего платяного шкафа домовладелицы, на изголовье, лицо и глаза ее пружинного дивана, пока не оклеила все вокруг, пока ком-

ната не стала моим собственным ночным небом, моим оберегом от трех директоров, которые каждое утро заставляли меня пить чай в учительской, соблюдая приличия, и крались на цыпочках вдоль клумбы из бархатцев, язвительно раздавая советы и рассыпаясь банальностями. Мне казалось, предлагая поощрение за хорошее поведение, я смогла бы надежно заточить их в бумажной галактике, тогда как на самом деле все награды, гарантии, обереги, страховки, что я раздаривала, я давала лишь самой себе, потому что корень зла скрывался во мне, потому что слышно и видно было только меня, потому что первой заговорила я, до того как ко мне обратились, потому что самостоятельно, когда никто не просил, купила угощения — и включила их в счет.

Комната провоняла гигиеническими прокладками. Я не знала, как от них избавиться, и поэтому прятала в ящиках туалетного столика из орехового дерева, который принадлежал домовладелице, — и в верхнем, и в среднем, и в нижнем; повсюду был тошнотворный запах засохшей крови, несвежей еды из внутреннего дома, который стоял пустым: без съемщиков, без мебели, без надежды, что когда-либо его сдадут в аренду.

Директор хлопал крыльями; имя его было созвучно слову «коршун», и давало оно власть над мертвыми, власть тревожить кости павших в пустыне.

Я заглотила звездный поток (ничего сложного) и уснула сном примерного ученика и отличника.

Возможно, я и могла бы нырнуть в лиловые волны, доплыть до ускользающего от меня остального мира, но я беспокоилась, чтобы были соблюдены правила безопасности, сначала смотрела направо, потом налево. А удаляющаяся толпа махала грязными

платочками, брезгливо зажав их кончиками большого и указательного пальцев. Какая осмотрительность! Они прикрывали лица, когда чихали, босые ноги же их заледенели, а я задавалась вопросом, неужели у них не было денег на обувь и чулки, и потому, страшась бедности, оставалась на своей льдине — сначала посмотрев направо, потом налево, остерегаясь ужасных машин, несущихся через одинокую ледяную пустошь, пока не появился человек с золотистыми волосами и не сказал: «Вам нужен отдых от хризантем, кладбищ и трамвайных путей, параллельно стремящихся к морю. Вам нужно бежать ото всех этих песков, и люпинов, и шкафов, и оград. Миссис Хогг вам поможет; наша миссис Хогг точно беркширская свинья, у которой вырезали зуб, и теперь посмотрите только на жижу, которая сочится из дыры у нее в горле, послушайте, как приятно посвистывает она на вдохе».

«Вы ошибаетесь, — миссис Хогг стояла на носочках, высоко подняв голову. — Даже если у меня и рыжие усики, никакая жижа никогда не вытекала ни из какой дыры у меня в горле. И скажите на милость, в чем разница между географией, электричеством, холодными ногами, ребенком-олигофреном, который сидит и роняет слюни в красном деревянном паровозе посреди бетонного двора, и погребальной песню Гвидерия и Арвирага:

Не страшись впредь солнца в зной,
Ни жестоких зимних вьюг:
Завершил ты труд земной,
На покой ушел ты, друг.
Светлый отрок ли в кудрях,
Трубочист ли, — завтра — прах¹.

¹ У. Шекспир «Цимбелин». Пер. А. Курошоевой.

Миссис Хогг меня пугала. Я не знала ответа на ее вопрос и закричала:

Дурочка с переулочка любопытная была,
Лезла не в свои дела!

А какие у дурочки могли быть свои дела? Или у дурочка из Клифхейвена, где поезда останавливаются на двадцать минут, чтобы успеть выгрузить и загрузить мешки с почтой и дать пассажирам возможность бесплатно поглазеть на умалишенных, отрешенно, с открытыми ртами стоящих на платформе.

Который сейчас час? Пустоголовый школьный колокол самозабвенно бьется куполом о язык. А я успела в школу вовремя? На вишнях с глянцевыми листьями появляются бутоны, львиный зев расцвел и показал бархатистое доньшко, ветер дует солнечным светом сквозь ряд упругих зеленых тополей, что растут там, на берегу, вверх по тропинке. Я ясно вижу их из окна. Так почему же кажется, что в самом разгаре зима? И отчего окна открываются всего лишь на шесть дюймов снизу и сверху, а двери запирают люди в розовой униформе, с ключами на привязанном к поясу шнурке, которые они убирают в глубокий потайной карман? Чай уже подавали? Закатный свет, янтарная японская керрия, дети, играющие в классики, бейсбол и стеклянные шарики до тех пор, пока разливающиеся чернила ночи не скроют даже желтый цвет кустов, — реально ли все это?

Я могла бы в том, другом, мире надеть людям на ноги теплые носки, но я сплю и не могу проснуться; меня сбросили с обрыва — я повисла над пропастью, зацепившись за край пальцами, по которым пляшет и топчется Гигантская Нереальность.

Мне не оставалось ничего другого, как плакать. Я лила слезы, чтобы растопить снег, чтобы призвать представителей власти, которые сорвали бы предупредительные знаки. И я так и не ответила миссис Хогг, в чем была разница, потому что видела всё усиливающееся сходство: различия растворялись в воздухе, усыхали, полностью обнажая плод подобия, как усыхает околоплодник, обнажая орех лещины.